

НАСЛЕДИЕ БОГОВ

Алексей Корепанов

Книга 2

**СОКРОВИЩЕ
ИМПЕРИИ**

«Сокровище Империи» — вторая книга цикла «Наследие богов» А. Корепанова, продолжение романа «Месть Триединого».

Веселеньким выходит отпуск у Кристиана Габлера — бойца Звездного флота Империи Рома Юнион. Мало того, что никак не доберется до родительского дома, так приходится еще мотаться с планеты на планету и постоянно думать о том, как остаться в живых. Бойцу легиона «Минерва» грозит месть жрецов горного храма. А еще за ним по пятам идут сепаратисты-веронцы, потому что позарез хотят обладать кое- чем, что есть у Габлера.

Удастся ли помириться со служителями триединого Беллизона? Можно ли справиться с группами сепаратистов? А ведь есть еще сослуживец Годзилла, агент вообще каких-то неведомых чужаков...

Велика Империя, но скрыться от недобрых глаз не так-то просто.

Алексей Корепанов

Сокровище Империи

НАСЛЕДИЕ БОГОВ:

Мечь Триединого.

Сокровище Империи.

Оружие Аполлона.

Копье и кровь.

Последний летний месяц был на исходе, а над улицами и площадями Роджера — столицы планеты Натали — все еще продолжала висеть сизая дымка. Ежедневно то тут, то там горели лесные торфяники. В белесом от зноя небе скалился пышущий жаром Фавн, народ литрами поглощал прохладительные напитки, а особенно обалдевшие плескались в фонтанах, откуда их лениво пытались прогнать полицейские. Даже привычные к жаре пиктимы — автохтоны Натали, вопреки своим обычаям, всюду покупали мороженое в столичных шопах.

Сквер напротив Исторического музея, как и другие оазисы малоэтажного Роджера, был усеян обширными разноцветными тентами кафе. Они, вкупе с густой листвой деревьев, ничуть не пострадавшей от жары, служили хорошим убежищем от солнечных лучей. Широкие лопасти вентиляторов разгоняли удушливую хмарь, в

кабинках работали кондиционеры, так что посетители этих кафе чувствовали себя вполне комфортно.

Впрочем, мужчина, устроившийся на низком диванчике в одной из таких кабинок, не обращал внимания на температуру. У него были свои заботы. Он редкими короткими глотками пил сок из высокого бокала и время от времени бросал взгляд на экран подвешенного к потолку тивишника с едва слышным звуком. Но чаще смотрел сквозь прозрачную изнутри стенку кабинки на дорожку, ведущую к кафе. Белая просторная одежда мужчины контрастировала со смуглым лицом, черными волосами и черной с проседью аккуратной бородкой. По улице медленно, словно разомлев от жары, проезжали уникары, такие же разноцветные, как навесы многочисленных кафе. Они спускались с виадука, переброшенного над линиями надземки, и катились мимо сквера к невидимой отсюда площади с памятником Роджеру Куну. Кун был командиром разведчиков, в стародавние времена проложивших путь в систему Фавна, к планетам, позднее названным Натали и Натали-1. Кто такая эта Натали, сейчас сказать не мог бы, наверное, никто.

Мужчина поставил бокал и напрягся, увидев на дорожке того, кто назначил ему встречу в этом кафе. Встреча была вовсе не из тех, во время

которой хочется улыбаться и которую долго вспоминаешь с теплом в душе.

Вновь прибывший — высокий крупный кросс¹ средних лет — тоже был в белом: рубашка с короткими рукавами навыпуск и шорты выше колен. Он, не здороваясь, уселся на диванчик напротив. Поставил локти на приземистый овальный стол, опустил подбородок на сплетенные пальцы и бросил довольно мрачным тоном:

— Ну?

— Все по-прежнему, — сделав унылое лицо, тут же ответил бородач.

— Значит, на связь не выходят, — констатировал кросс. — И скорее всего, уже не выйдут. Я же говорил, надо было ставить маячок на объект.

— Могли засечь.

Кросс взглянул угрюмо, но согласился:

— Могли. Теперь не могут. И мы не можем. И где искать? Мне нужны зацепки, хоть какие-то!

Бородач с силой потер висок, быстро взглянул на кросса и тут же опустил глаза.

— Вторая группа... — неуверенно сказал он.

¹ Кроссы — потомки местного населения планеты (автохтонов) и колонистов. (Здесь и далее — примечания автора.)

— Что?

— Дает сигнал, но без пояснений. Возможно, нащупают.

— Возможно! — мрачно усмехнулся кросс. — Или нащупают нас. И тогда уж пощупают, и хорошенько пощупают, удовольствие вряд ли получим. Ты понимаешь, что поставлено на карту?

— Понимаю, — вздохнул бородач. — Но шансы все-таки есть. Если вторая группа...

— Шансы — это не более чем вероятность, возможность, — хмуро прервал его кросс. — Мне нужны не шансы получить объект, а сам объект. Надеюсь, чувствуешь разницу?

— Чувствую, — вновь вздохнул бородач. — И все-таки шансы есть.

Глава 1. Край утех

Он из последних сил карабкался по каменистому склону, задыхаясь, чувствуя пятками, что преследователь не отстает и вот-вот схватит за ногу, подомнет... Сердце колотилось прерывистыми очередями, давно уже выскочив из груди и обосновавшись где-то под нижней челюстью. Едкий пот заливал глаза, и не было никакой возможности хоть на мгновение остановиться, чтобы смахнуть его. Горький воздух резал пересохшую глотку, как безумный убийца, в

уши то и дело вонзался противный визг, от которого невыносимо ломило в висках и хотелось застрелиться. Оружие он тоже никак не успевал достать, потому что приходилось постоянно цепляться руками за камни. Камни не были надежными — они раз за разом срывались со своих мест и катились вниз. Больше всего он боялся, что тоже в любой момент может заскользнуть вслед за ними и стать добычей того кошмарного создания, что неустанно преследовало его. Иззубренный горный хребет впечатался в изумрудное небо, перевал находился далеко, но там было спасение. Только бы добраться, бросить взгляд на другую сторону... Только бы...

Его цепко схватили за ногу, потянули вниз. Он хрипло заорал и лягнул преследователя... Еще раз... Ступня угодила во что-то мягкое, он, продолжая орать, бросился в сторону — и налетел лицом на что-то твердое. Кто-то сорвал с него шлем, и изумрудное поднебесье огласил пронзительный крик:

— Ты что, совсем охренел, стафлюга?! Чего брыкаешься?

Серые скалы исчезли, перед глазами возникла ножка стола. Скула побаливала, сердце продолжало неистовствовать. Он перевернулся на спину и вместо неба увидел над собой белый потолок. Поспешно сел — его качнуло — и некоторое время

непонимающе рассматривал живую картину на стене. Там было что-то переливчатое, струящееся, какие-то тошнотворно завивающиеся спирали, мельтешащие пятна и множество мигающих глаз... Он сглотнул, борясь с подступившей к горлу дурнотой, обернулся на всякий случай — никакие чудовища его не преследовали — и сфокусировал взгляд на фигуре, застывшей в трех шагах от него.

Фигура была что надо. Даже более чем. Стройная, длинноногая, с рыжими слегка вьющимися волосами до плеч, аппетитной грудью и прочим, тоже аппетитным... Совершенно голая фигура. Рыжеволосая держалась рукой за бок и болезненно кривилась.

— Ты кто? — туповато и все еще хрипло спросил он, уже понимая, что на нем тоже нет никакой одежды.

— Конфетка без пальто, — несколько раздраженно процедила девушка, продолжая потирать бок. — Мозги от игрушек отшибло, что ли?

— Ладно, не злись, — миролюбиво сказал он и огляделся, постепенно въезжая в реальность.

Прозрачный игровой шлем приткнулся у кресла на желтом с синими разводами ковре, устилающем пол просторной комнаты.

«Отель «Остров блаженных», семьсот второй номер», — вспомнил он и возгордился собой.

После таких пьянок — и помнить подобные детали?!

Доминировало в семьсот втором номере, безусловно, просторное ложе на высоких изогнутых золоченых лапах, занимающее чуть ли не четверть всей кубатуры. На него вполне можно было посадить патрульный крейсер Стафла², и там осталось бы еще много свободного места. Судя по разбросанным подушкам и скомканным простыням, ложе активно использовалось, хоть и не для посадки космических кораблей, но и отнюдь не для сна. На полу рядом с ним вперемешку валялась мужская и женская одежда. Правда, темно-синий комбинезон с белыми буквами «МНР» — легион «Минерва» — на рукавах и золотым орлом-аквилой на груди все-таки лежал отдельно, на спинке кресла у окна. На прикроватном столике стояли полупустые бутылки в окружении всяких фруктов и разорванных блестящих упаковок с местными закусками. Два бокала лежали среди одежды. Еще одна бутылка, с длинным горлышком, почти полная, возвышалась посреди большого стола напротив окна. Живые картины растекались по всем стенам, и на их фоне не сразу можно было заметить панель тивишника, демонстрирующего

² Стафл (от англ. star fleet) — звездный флот.

какое-то шоу с фейерверками, прыгающей толпой и золотым дождем. Звук у тивишника был выключен.

— Ну и игрушка, однако... — Он ошалело помотал тяжелой головой. — Чистейший реал!

«Я чуть в штаны не наложил», — хотел добавить он, но вспомнил, что штанов на нем нет.

Сейчас он чувствовал себя гораздо менее пьяным, чем совсем недавно, когда ему вдруг вздумалось позабавиться в псевдореальности. А до этого были другие забавы. Уже здесь, в семьсот втором. С рыжей «конфеткой без пальто». А где он ее взял на борт и вообще чем занимался до появления в этом номере, пока не припоминалось.

— Не злись, красавица, — повторил он и подумал, что пока ему все-таки лучше посидеть на полу. Не делать резких движений. — И где ж это я тебя подцепил, такую красоту... заводную? — Тело, оказывается, не забыло, *что* они недавно здесь вытворяли.

— Ты тоже хорош! — Хошка³ фыркнула, уже беззлобно, и наконец оставила в покое свой бок.

— Чего не отнять, того не отнять, — кивнул он и, успев схватиться за ножку стола, удержал себя в сидячем положении.

Рыжая, покачивая великолепными бедрами,

³ Хошка, хо (от англ. whore) — проститутка.

подошла к столу и взяла бутылку. Плюхнулась в кресло, закинув ногу на ногу, длинно отхлебнула прямо из горлышка. Он потирал пострадавшую скулу и молча смотрел на нее. Комната мягко покачивалась, сердце вернулось на место, в грудную клетку, и деловито продолжало гонять по жилам смесь крови с алкоголем. Причем, вполне возможно, алкоголь в этой смеси преобладал.

— Это не ты меня подцепил, а я тебя, — заявила хошка. — Там. — Она показала пальцем с длинным серебристым ногтем на пол. — В баре. Ты уже собирался Линусу уши отрывать.

— А ты, значит, приняла огонь на себя. На собственное, так сказать, лоно... Правильно. — Он снова хотел кивнуть, но поостерегся. — Мы мирные люди, но наши фугасы у нас, если что, под рукой...

— Ага, приняла, — подтвердила хо. — Твое счастье, что приняла. А то Линус тебя уделал бы, хоть ты и файтер. Ты же на ногах не стоял.

— Не родился еще тот, кто бы меня уделал, — вяло произнес он, посмотрел на окно, настроенное на режим непрозрачности, и вдруг встрепенулся: — Слушай, ясноокая, а что сейчас: день или ночь?

— Утро скоро, — сообщила рыжая и сделала еще один глоток.

— Утро... — эхом откликнулся он. — Ну, то, что я вторую неделю торчу на Китеже, это я помню.

Да-а, насчет девчонок не ввали... Оказывается, все вы здесь заводные, не только автохтонки... (Хошка вновь фыркнула.) Но вот город как называется? Как-то с бухлом рифмуется...

— Фофоло , дорогуша, — посмеиваясь, подсказала хошка.

— Точно! В Фофоло есть бухло! А почему название такое?

Рыжая пожала плечами:

— Не знаю. Что-то такое по-гарски. — И тут же пояснила: — По-местному. Здесь у гаров раньше поселение было, еще до нас. А звать меня, дорогуша, если ты забыл, Синтия.

— Ну, имя-то я твое помню, — соврал он и подбородком показал на ложе-космодром: — И все прочее тоже. Заводная ты, однако, Синтия. Завод еще не кончился?

— А у тебя? — Хошка выразительно посмотрела на его обнаженное тело. Точнее, на один из участков тела.

— За этим дело не станет, — заверил он. И лукаво добавил в рифму: — Нужно будет — встанет.

Рыжая взмахнула бутылкой, запрокинула голову и засмеялась, показывая ровные зубы. Грудь ее завлекательно подрагивали от смеха.

— Еще и Беллона не выглянет из-за горизонта, и не проснется еще утренний

шалунишка-ветерок, как я уже буду готов, — торжественно заявил он. — Сейчас, только глотну чего-нибудь и приму душ. Годится?

— Годится! — весело кивнула Синтия.

Он осторожно поднялся с пола и, чуть покачиваясь, направился к столику с бутылками. И на ходу приговаривал, явно приходя в себя:

Славный Китеж,
край утех,
Для утех здесь нет
помех,
Хватит тех утех на
всех!
«Эх» и «ух», и снова
«эх»!

Опустошил недопитую бутылку, подмигнул улыбающейся хошке и направился в ванную.

— Ну, ты даешь, Гамлет! — восхищенно понеслось ему вслед.

Он обернулся:

— Я не просто Гамлет. У меня кличка — Граната! Взрываюсь — и всех красавиц наповал!

— Это я уже заметила! — хихикнула Синтия.

У Гамлета Мхитаряна, файтера двадцать третьей вигии седьмой центурии легиона «Минерва» слова не разошлись с делом, что было

ему присуще далеко не всегда. Но только не в таких занятиях. Местный желтый карлик Беллона, вокруг которого вращалась планета Китеж, еще не появился в чистом по-весеннему небе, а просторное ложе всю уже использовалось для тех самых утех. Граната знал толк в подобного рода делах, Синтия была вполне квалифицированной хошкой, да еще и получила от Мхитаряна гораздо выше тарифа, притом за сутки вперед... В общем, оба они старались всю. Наконец расстыковались и обессиленно распластались на ложе в обрамлении живых картин, продолжавших струиться по стенам.

Чуть позже сосредоточенный серв⁴ принес в номер заказанное файтемом пиво и маслины не маслины, пикчи не пикчи, кальсы не кальсы... короче, что-то солоноватое и вкусное. Они лежали, потягивали прохладный, довольно крепкий напиток, и рыжая лениво поинтересовалась, облизывая пальцы:

— И каким же ветром тебя сюда занесло?

Граната потер волосатую грудь, потеревил внушительный горбатый нос — объект постоянных шуток соратников, и ответил расслабленно:

— Отпуск у меня, красавица. — Поднял палец и внушительно добавил: — За особые заслуги перед

⁴ Сервы — обслуживающий персонал.

Империей.

Было почти незаметно, что он пьян. Причем пьян далеко не первый день.

— Да ну? — не очень-то поверила Синтия. — Рассказывал мне один... Тоже стафл, только из наших, из «Беллоны». Спас, говорит, кучу народу в Зеленом секторе, это километров двести отсюда, у моря. Корабль был неисправный... — Она задумалась. — Ли... урна? Что-то такое...

— Либурна, — подсказал Граната. — Десантный корабль. Это штука такая летающая.

— Да знаю я... Либурна, конечно. Ну вот, а он ее сумел отвести в сторону, так он говорит, и посадить на мелководье. И тоже, говорит, ему сразу бонус немереный за особые заслуги...

— Еще бы, — кивнул Мхитарян. — Хотя это не ему надо бонус, а техам анусы разворотить...

— Да ты погоди. — Синтия выплюнула косточку на пол. — А потом мне другой, из его же центурии, говорил. Мол, врет он все, и не было его на той либурне. И брякнулась она там не из-за неисправности, а так нужно было. Вот. — И хошка вновь присосалась к пиву.

— Та-ак... — зловеще произнес Граната, отставив бутылку. — Значит, не веришь? Мне не веришь, Гамлету Мхитаряну, файтеру второго — заметь! — ранга. Вруном считаешь...

— Да нет, ты не так понял, — попыталась

оправдаться рыжая, но Граната ее уже не слушал.

Он повернулся на бок, положил руку на грудь хошке и придавил Синтию к ложу. И внушительно произнес, нависая над ней:

— Сейчас я тебе все расскажу, мистрис Фома неверующая. Тайны выдавать не буду, не положено, но в общих чертах. И тогда ты поймешь, что у Гамлета Мхитаряна действительно есть особые заслуги.

— Только руку убери, — сдавленно попросила хо, — а то не дослушаю, задохнусь...

Но Гранату уже понесло — и рыжая хошка услышала историю о недавних действиях «минерв» на одной из планет Ромы Юниона⁵.

В изложении файтера все случившееся выглядело так. Несколько вигий срочно перебросили на этот космический объект. «Для оказания помощи местной полиции в борьбе с антисоциальными элементами, — так, слегка заплетавшимся языком высказался Граната и добавил: — Короче, с фанатиками». В роли фанатиков выступала одна из этнических групп автохтонов, поклонявшаяся некоему триединому божеству. Среди файтеров «Минервы» велись

⁵ Рома Юнион — на языке Империи, терлине (от лат. *terra lingua*), означает «Римский Союз».

разговоры, что дело тут не в неспособности полов самим справиться с заварушкой — сил и средств у полиции вполне хватало. Просто полы жили на той же планете и не желали в случае чего оказаться крайними. Другое дело — Стафл. Там собран народ со всей Империи, что прикажут, то и выполняют, без проблем. И в конце концов, подавление массовых беспорядков — одна из уставных задач Стафла.

Так вот, продолжал Гамлет, их вигия в количестве двадцати красавцев-эфесов вылетела на патрулирование территории автохтонов. И угодила в переплет. Выделенный им полицейский флаинг был обстрелян на подлете к горному храму этого самого Триединого. Пилотам-полам удалось посадить машину без жертв, и файтеры взяли храм в оборот. Взорвали входные двери и были готовы уже ринуться внутрь, но местные жрецы приготовили им неприятный сюрприз. Притаившийся за дверями защитник-одиночка метнул в файтеров пригоршню каких-то взрывчатых шариков такой убойной силы, перед которой не устояла защита боевых комбинезонов. Жрецу, конечно, не дали остаться в живых, однако он успел вывести из строя пятерых.

— Четверть вигии одним махом, представляешь?! — Мхитарян ударил по ложу кулаком. — Неслыханное дело! Причем двоих насмерть. Ну, им сразу заморозку, а когда мы

выбрались оттуда — в госпиталь. Но вернуться ли в строй — неизвестно. Одному потом еще добавили, камешком тонн в пять, уже мертвому, Томашу Игроку... Вот тот уж точно свое отслужил... Сто процентов. Будет теперь у себя на Кремле в огороде копать... если сможет...

Рыжая забыла про пиво и всюю глазела на курчавого файтера.

А Гамлет, все больше распаляясь, продолжал рассказывать о том, как Джек Срослофф по прозвищу Атос разрезал жреца выстрелом из излучателя. Как эфесы ворвались в храм, и ударная тройка — Портос, Гладиатор и Арамис — покрошила на мелкие кусочки целую толпу жрецов, собиравшихся отчаянно защищать свое змеиное гнездо.

А потом Крис Габлер по кличке Гладиатор — нормальный парень, с достаточным количеством мозгов в голове — угодил в какую-то ловушку, провалился в подземные глубины. Оказалось, что в каменной толще находится целый лабиринт, где никакие нити Ариадны не помогут. (Хошка непонятливо округлила серые глаза, она о таких нитях явно не слыхала.) И пропал бы Гладиатор в этих глубинах, кишущих жрецами Триединого, как пить дать пропал бы... если бы не бравый файтер второго ранга Гамлет Мхитарян, уроженец планеты Лавли в системе Януса, отличник боевой и прочей

подготовки (надевает по тревоге боевой комбинезон со всеми прибабасами за минуту десять, собирает излучатель с подствольником за девять секунд, выпивает бутылку коньяка из горлышка за четыре целых восемьдесят три сотых секунды и наперечет знает места базирования легионов Стафла). Файтер Мхитарян вызвался возглавить группу поиска упомянутого Криса Габлера, получил одобрение вигиона и вместе с Портосом, Арамисом и чернокожим Юрием Гальсом — Годзиллой смело ринулся в каменные глубины, полные неведомых опасностей. И Крис Габлер был спасен.

А потом он, Гамлет Мхитарян, спас Габлера еще раз. И не только Габлера, но и Портоса, и Арамиса. А вот Атоса они потеряли.

И все дело было в жрицах зловещего горного храма, решивших отомстить тем, кто убил их единоверцев. Они прикончили Атоса — отрезали ему голову в отеле одного из приморских городов. Они настигли Габлера, Арамиса и Портоса на борту галеры, направлявшейся на Единорог. Применив какие-то хитрые психотехники, они заставили экипаж повернуть идущую к сабу⁶ галеру назад и совершить посадку неподалеку от горного храма.

⁶ Саб — подпространственный тоннель.

Файтеров уволокли в подземелья, и если бы он, Гамлет Мхитарян, не поднял тревогу, его сослуживцы были бы уже мертвы.

— А они живы и здоровы! — торжественно заявил Граната. — Портос с Арой повезли тело Джека к нему домой, на Нирвану, хоронить — там до сих пор мертвецов в землю закапывают, такой обычай. Гладиатор к себе полетел, на Форпост. Нам за участие в боевых действиях дополнительный отпуск дали, вот я и гуляю. Сначала на Нова-Марсе, теперь здесь... — Он склонился над хошкой, едва не тыча своим внушительным носом ей в лицо: — И что скажешь: нет у меня особых заслуг перед Империей? Я ведь троих спас. И не каких-нибудь там рекламеров или тотеров... Отнюдь! Файтеров спас! Высокочкалсных специалистов, защитников рубежей! Вот так-то, красавица.

И только тут Граната заметил, что красавицу сморило.

— А-а! — махнул он рукой, отполз от рыжей и глотнул пива. — Сейчас от... отдохнем немного и пойдем давать копоты... По полной программе, с хороводами и бегом по потолку!

* * *

Гамлет Мхитарян очнулся на полу в каком-то тесном помещении. И первым делом потянулся к

скучающей поблизости едва начатой бутылке коньяка с неизвестным ему названием «Ледяные горы». Граната не имел ни малейшего понятия, как попал сюда. Сделав хороший глоток, файтер проверил нагрудный карман комбинезона. Все пять кардов, как и положено, были на месте. Нэп со скудным набором вещей отпускника лежал у стены. Мхитарян с трудом повернул словно набитую песком непослушную голову и обнаружил дверь за спиной. Он поднялся на ноги с тяжелой грацией крейсера, преодолевающего гравитационное поле планеты-гиганта, и направился узнавать, куда это его занесло. Кое-какие подозрения на сей счет у него были, но хотелось полной определенности.

Нет, то, что он вытворял в Фофоло в компании хошек всех мастей и примкнувших к ним посетителей самых разных кабаков, где ему довелось побывать, помнилось. Хотя и не так четко, как хотелось бы.

Водопады спиртного... Танцы на столах... А вот по потолку все-таки не бегал... Бои без правил, в которых он участвовал, не применяя экстру, и его почти тут же вырубил какой-то верзила — из автохтонов, судя по пепельной коже... Песни под гитару, причем на гитаре играл не он. Он не играл, а пел. Громко, самозабвенно, до хрипа...

Шире шаг!

Слушай, враг!
Страшись ответа
грозного!
Лишь только нам
одним даны,
Лишь только
стафлам вручены
Ключи от неба
звездного!

Какой-то на уши поставленный кабак, перевернутые столы, женский визг и вой полицейских сирен... Кухня с остолбеневшими поварами, черный ход, прыжок в уникар и полет неизвестно куда... Темные заросли — и опять огни кабака... И составленные вместе безразмерные лежа, горы жратвы, реки пива и множество голых тел. И смех из ванной, а потом — чья-то расквашенная рожа... И хошки тянут его куда-то, а он поливает их шампанским...

Сделав несколько шагов по коридору, Граната торопливо проверил банк-кард и облегченно выдохнул: время нищеты еще не пришло. Хотя и потрачено было немало.

Но что случилось дальше? Где он сейчас?

Разъяснения Мхитарян получил у первого же попавшегося на глаза серва. И разъяснения эти привели файтера в замешательство. Оказалось, что

он находится на борту галеры «Луций Муммий», галера уже прошла через саб и чешет по планетной системе Фатума, приближаясь к единственному колонизованному миру в этом уголке Виа Лактеа⁷ — Серебристой Луне. Как его угораздило приобрести билет, и что он забыл на Серебристой Луне, являлось тайной за семьюдесятью семью печатями. А то и больше. Ясно было одно: планета Китеж осталась позади, вместе со всеми ее кабаками и хошками. Нужно было жить дальше.

Черная дыра в собственной памяти настолько расстроила Гранату, что он, вернувшись в свою каюту и усевшись на узкое ложе, решил хотя бы пару дней — до Серебристой Луны — притормозить с выпивкой. Уж больно тревожные были симптомчики.

Приняв такое решение, он слегка повеселел. Хлебнул еще коньяку — исключительно для поправки здоровья, — вытащил из кармана плоскую коробочку унидеска и начал разбираться с мейлами.

Посланий было три: два текстовых, с перерывом в несколько часов, от «бати»-вигиона Андреаса Сколы, а еще одно — видео, с прицепленной объемкой, от адресанта,

⁷ Виа Лактеа (лат.) — Млечный Путь, наша Галактика.

подписавшегося: «Ко-ко».

Начал Граната именно с него. Появившееся в сером облачке озы — объемной зоны унидеска — большеглазое женское лицо, обрамленное пышными светлыми волосами, миловидное, хотя и чуть опухшее, он узнал довольно быстро. Кажется, именно эта девушка была одной из последних, с кем он общался — в разных смыслах этого слова — на Китеже.

— Привет, Гамлет, — подмигнув, сказала блондинка. — Если ты открыл этот мейл, значит, уже очухался. С чем тебя и поздравляю. Ты обещал заглянуть на обратном пути, не забыл? Кабак «Плакучая ива». Смотри, не перестарайся на Серебристой, — она хихикнула, — чтобы и на меня хватило сил. Жду, лапочка моя носатая! В прицепе — процесс доставки тебя на предполетный контроль, как ты и просил. Там все прыгает, но это уж ты сам виноват — я до сих пор шампанским писаю. А еще хочу тебе сказать, носопыра ты мой...

Граната поморщился и вырубил блондинку. Не открывая прицеп, удалил мейл, поставил блокировку на адресанта и привалился спиной к переборке.

Почему он выбрал именно Серебристую Луну, оставалось неясным, но зато теперь понятно было, как он оказался на борту «Муммия». И почему он так поступил, тоже было понятно. Надоел ему этот

длительный загул, просто надоел...

Мхитарян с грустью подумал о том, что приличные эфесы, получив отпуск, спешат домой... как Гладиатор... как Годзилла... А вот его домой совсем не тянуло. Нехорошая атмосфера была в родительском доме, в городе Арарате на планете Лавли — одной из пяти спутниц желтой звезды Янус. Или Татлян, как по старинке называла эту звезду прабабушка.

Покосившись на бутылку, он открыл мейл вигиона — копию предыдущего послания того же Андреаса Сколы. Вигион был лаконичен:

«Если ты дома — рад за тебя. Если еще нет — бросай куролесить и живо домой!»

Граната усмехнулся:

«Заботится батя...»

И зашевелил пальцами правой руки над панелькой, набирая такой же лаконичный ответ:

«Еще не дома, но уже не пью. Всем успехов! Мысленно с вами! Или вигион, или ничто!»

Это он так переделал высказывание кого-то из древних римлян касательно Юлия Цезаря.

Отправив мейл, Гамлет принял душ, голышом прошлепал назад к ложу, лег и принялся обдумывать дальнейшее свое существование до посадки в космопорте Серебристой Луны. От весьма недурного коньяка «Ледяные горы» мозги окутал легчайший туман.

Итак, первым делом — не пить. Пока. В кабаки в коем случае не ходить, дабы избежать искушения, заказывать завтраки-обеда в каюту. Ни к каким компаниям не прибиваться — по той же причине. А значит, не высовывать нос из каюты. «Носопыру»...

И что делать в четырех стенах, то бишь переборках? Смотреть арт-объемки⁸, в которых хорошие парни отчаянно сражаются с плохими парнями и спасают мир? Или заливаться слезами, сопереживая борьбе светлых благородных эльфов с гнусными мерзопакостными орками? Подучить устав Стафла? Вспомнить ТТХ патрульных крейсеров или штурмеров? Играть самому с собой в карты или в игрушки на унидеске? Заняться физподготовкой — отжиманиями от пола?

Граната с ужасом понял, что делать ему совершенно нечего. И в надежде избавиться от этого ужаса, поспешно включил канал ньюзов.

Его угораздило тут же попасть не на ньюзы, а на какую-то беседу. Ее вели молодой медиар с умной и хитровой физиономией и средних лет чиновник аскетического вида — как стало ясно из

⁸ Арт-объемка, арта, объемка — «потомок» кино.

его высказываний, какой-то столичный грэнд⁹.

Собственно, это была даже не беседа — медиар только молча кивал, а грэнд всю разглагольствовал. Граната слушал, заложив руки за голову, и сонно хлопал глазами.

— Вспомним истоки, вспомним начало, так сказать, нашего пути, — чиновник обращался то ли к медиару, то ли к зрителям. — Первые сабы, колонизация планет... Далекo не везде и не все шло гладко, но в конечном итоге все мы научились жить в мире и согласии друг с другом, и ромсы — новая историческая общность, сложившаяся в Виа Лактеа, это не пустой, так сказать, звук, это реальность. Здание нашей Империи строилось камень за камнем, без спешки и стремления ликвидировать все проблемы одним махом. Ничего, кроме благодарности, не можем мы испытывать к тем, кто играл главную роль в Сенате в период создания Ромы Юниона, кто принимал жизненно важные решения в годы Нонавирата, Септавирата, Квинтавирата, Триумвирата... Неоценима деятельность наших Цезаров, делом своей жизни провозгласивших процветание Империи и

⁹ Грэнд (жаргон) — служащий высших органов государственной власти. (От названия столицы Империи — Грэнд Рома.)

добившихся этого процветания. Наш Цезар Юлий, как и его предшественник Цезар Бертран, ежедневно неутомимым своим трудом, так сказать, доказывает верность раз и навсегда избранному курсу: «Всё для блага ромсов, всё во имя ромсов». Все мы воочию видим и, так сказать, ощущаем на себе результаты этой кропотливой работы. Мы пришли к подлинному обществу благоденствия, о котором мечтали наши далекие предки, к той самой Утопии, которая казалась им чем-то фантастическим. Кстати, и планета Утопия в системе Диес тоже входит в это общество. Мы создали прекрасный новый мир!

Граната чувствовал, что засыпает. Грэнд вроде говорил правильно, как по писаному, но далеко не все. Отнюдь не в каждом уголке Империи царили тишь да гладь.

— Но всем ли этот мир по душе? — осторожно вклинился медиар, и Граната с удивлением вновь посмотрел на экран.

— К сожалению, не всем, — выдержав короткую паузу, ответил чиновник. — Могу со всей ответственностью заявить, что в последнее время наметились... э-э... кое-какие опасные для нашего совместного процветания и дальнейшего развития тенденции... Нет, скорее даже, не тенденции, а только, так сказать, намеки на них, — тут же поправился грэнд. — Но эти намеки не могут не

вызывать опасений у тех, кому общество доверило стоять, так сказать, на страже мира и спокойствия в нашем общем доме.

— Что ты имеешь в виду? — еще более осторожно спросил медиар.

— Я имею в виду идеи сепаратизма, — не стал уклоняться от ответа чиновник. — Мы хорошо помним уроки истории и четко представляем, во что это может вылиться. История нашей прародины, Земли, дает такие примеры. Но те, кто намерен повторить прежние ошибки, должны понять: мы не позволим, чтобы такое произошло вновь. Не для того создавался Рома Юнион. А если не поймут, у нас есть, так сказать, силы и средства противостоять желанию отдельных лиц посеять распри в нашем общем доме.

«Силы и средства — это Стафл, — подумал Граната. — Но о ком это он? Кто это у нас хвост поднимает?»

Медиар словно услышал его мысли.

— Ты можешь назвать конкретные имена? — спросил он.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — на этот раз ушел от ответа грэнд. — Сепаратистам еще не поздно одуматься и уяснить, что этот номер не пройдет. Раздоры никогда не вели ни к чему хорошему. Не стоит забывать и о возможности — пусть и

гипотетической — внешней угрозы. Мы должны быть едиными, в единстве наша сила, и альтернативы тут просто нет. Это позиция Императора, это позиция Палатина¹⁰, это позиция большинства, и иной позиции быть не может. Как известно, победа там, где согласие. При согласии, как говорится, малые дела растут, при несогласии и великие дела разрушаются. Разрушать мы ничего не позволим!

— Можно ли твои слова расценивать как предупреждение тем, кто... м-м... — Медиар замялся.

— Именно так их и нужно расценивать, — кивнул грэнд.

«Что за дела? — подумал Мхитарян. — Откуда вдруг эти сепаратисты вылезли? Не было печали...»

Его взгляд невольно раз за разом возвращался к недопитой бутылке, скромно поблескивающей в дальнем уголке каюты. Почему-то вспомнилось, как однажды, при патрулировании Конфайна¹¹,

¹⁰ Палатин — один из холмов Рима, где находились дворцы императоров. Так же называется и резиденция Императора Роны Юниона. Другое название резиденции — Октагон.

¹¹ Конфайн — условные космические границы Империи.

пришлось срочно выбрасывать бутылки со спиртным в космос — один из стажеров оказался отнюдь не стажером, а членом легатской проверочной комиссии. И просто повезло, что его вовремя раскусили. А ведь спиртное производят вовсе не для того, чтобы поливать им межзвездное пространство. Отнюдь! Совсем для других целей производят спиртное. Тот же коньяк «Ледяные горы». Кстати, очень даже неплохой коньяк, ничуть не хуже «Коктебеля», ничуть... Ох и было же попито «Коктебеля» на Нова-Марсе, в славном городе Александрии, у теплого моря...

Граната вдруг обнаружил, что рядом плещутся волны, и покачиваются на волнах бутылки с коньяком...

...Он вынырнул из дремы, почесал курчавую грудь, сел на ложе и обхватил руками колени. Палатинец и медиар уже исчезли с экрана, и там всю буйствовала реклама. Файтер поморщился и отключил звук.

С одной стороны, кое-кто покушается на целостность Империи. С другой стороны, консул — главнокомандующий! — отдает приказ о прекращении всех боевых действий в пределах Ромы Юниона и возвращении подразделений Стафла в места постоянной дислокации. До особого

распоряжения. А за этим приказом, вероятнее всего, стоит Администрация Императора. И как это понимать?

Без бутылки не разберешься.

А потому Гамлет Мхитарян незамедлительно спорхнул с ложа и с легким сердцем схватил бутылку.

Глава 2. Вкус смерти

Кристиану Габлеру доводилось слышать о том, что перед лицом смерти человек вспоминает всю свою жизнь, причем это происходит совершенно произвольно. Вероятно, в последние мгновения перед тем, как быть разрушенным, мозг лихорадочно анализирует, почему все так нехорошо вышло. Ищет причины, которые привели к столь печальному финалу. Сейчас Габлеру представилась возможность узнать, действительно ли возникают такие воспоминания — Эрик Янкер возвышался над ним, сжимая в руке небольшой серебристый ган, и дуло этого вполне убойного оружия было направлено Крису в лицо.

Но никакие воспоминания в голове не теснились.

Нет, кое-что все-таки вспомнилось. Древняя-предревняя надпись на стене дома в земном городе Помпеи, которую он еще

школьником увидел в какой-то тиви-передаче. И ощутил холодок в животе, когда прозвучал перевод на терлин: «Однажды ты умираешь и становишься просто ничем».

Неподвижное от «заморозки» тело застыло в кресле, а в душе все клокотало, и если бы взглядом можно было испепелять, от этой сволочи Янкера не осталось бы и следа. Габлер не чувствовал ни страха перед надвигающимся небытием, ни сожаления о так неожиданно обрывающейся жизни. Он чувствовал совсем другое: злость и досаду.

Злость. Злость на бывшего друга, Улисса, который вновь, как и когда-то в юности, предал его. Только теперь речь шла не о том, что не быть ему, Крису Габлеру, звездным капитаном. Отчисление из нэви-колледжа — событие печальное, но не смертельное. Речь шла о том, что больше не быть ему, файтеру Габлеру, среди живых.

Досада. Досада на самого себя, клюнувшего на приманку. Поманили его, Криси Габлера, перспективой заработать много-много денариев, и полез он в разборки грэндов. Сделал свое дело — и оказался лишним. Уж очень много знал он теперь такого, чего не надо бы ему знать. Вот уж воистину, во многом знании много печали, как изрек какой-то древний мудрец...

И самое, пожалуй, обидное — не в состоянии он ничего сказать напоследок Эрику Янкеру,

потому что язык у него тоже заморожен. Спасибо сослуживцу Годзилле, коварно сделавшему укол.

Все пути ведут к смерти.

И пусть ему уже удастся слегка шевелить языком, потому что «заморозка» потихоньку проходит, — ничего это не меняет.

Однако Янкер все не стрелял. Видно было, что никак не может он решиться на этот необратимый поступок. Хоть и стал чиновник Администрации Императора орудием Иных, но что-то такое еще сохранилось...

— Тьфу, дьявол! — с чувством сказал Янкер, отвел взгляд от лица Габлера и опустил ган.

В душе у Криса шевельнулась надежда. Неужели Улисс не сможет? Неужели не выдернет из мира живых?

Янкер целеустремленно прошел мимо кресла, в котором куклой сидел Габлер, и исчез из поля зрения файтера. Шаги затихли за спиной, потом что-то там зашуршало... стукнуло...

«Сейчас, гад, выстрелит в затылок, так легче», — пронеслось в голове у забывшего дышать Криса.

Он почувствовал, как на лбу выступила испарина, и тут же услышал звуки, которые любой эфес не спутает ни с какими другими — звуки торопливых глотков. Сверхчувствительный нос Габлера, вечно создающий ему проблемы, уловил

запах какого-то алкогольного пошла.

Надежда издала последний вздох и воспарила в те края, куда вот-вот должна была отправиться и его, Криса, душа. Если вообще есть такие края. Стало ясно, что Янкер просто не может заставить себя нажать на спуск, а потому решил облегчить задачу с помощью спиртного.

«Что ж, правильный подход», — отстраненно подумал Габлер.

И тут, как рыба из воды, выпрыгнула еще одна мысль... нет, даже не мысль — целая вигия мыслей. Ворох соломинок, за которые хватается утопающий, если поблизости нет ничего более надежного.

Собственного тела он по-прежнему почти не ощущал, но ему вдруг показалось, что лежащая в правом нагрудном кармане комбинезона коробочка с питательным драже-стимулятором из боевого рациона файтеров просто-таки давит на ребра.

Попробовать хотя бы чуть-чуть приоткрыть рот!

Он сделал усилие... Еще раз... И выдохнул:
— А мне?...

Янкер у него за спиной поперхнулся. Вновь прозвучали шаги — теперь уже приближаясь, — и грэнд опять оказался перед Габлером. Ган он переложил в левую руку, а правой держал за горлышко пузатую бутылку со знакомой Габлеру

по кабакам этикеткой: бородатый древнеримский воин, воздевший короткий меч, на фоне извергающегося вулкана. И надпись: «Возрождение».

Габлеру больше всего на свете хотелось, чтобы это название стало для него символическим.

— Ну, ты силен, — изумленно сказал Янкер. Глаза у него слезились, но не от жалости к бывшему другу, а от коньяка. Не привык палатинец хлестать коньяк прямо из бутылки. — Уже и языком шевелить можешь... На, выпей... на дорожку...

Он отнюдь не издевался, но Габлеру захотелось плюнуть ему в лицо.

Эрик сунул оружие в карман пиджака, наклонился, обхватил затылок Габлера и ткнул ему в рот бутылку. Стекло стукнулось о зубы, коньяк обжигающей струйкой полился в горло. Крис судорожно глотнул — раз, другой, третий...

«На дорожку... На дорожку...» — билось в голове.

Янкер отвел бутылку, хлебнул сам.

— И за... ку... сить... — эта короткая фраза далась Габлеру уже лучше. Он чуть склонил голову и показал глазами: — В пра... вом... кар... мане...

— Последнее желание — закон, — пробормотал Эрик.

Он поставил бутылку на пол, отстегнул

липучку на комбинезоне Габлера и запустил руку в нагрудный карман. Крис боялся, что сердце сейчас разнесет ребра, выскочит наружу и вlepится в потолок. Янкер извлек узкую коробочку, повертел в руке. Отвинтил колпачок, заглянул внутрь.

— Вот такая, значит, у вас, стафлов, закуска...

— Дра... же... — пояснил файтеp. — Сыпа... ни... в рот... На дорож... ку...

Эрик молча выполнил просьбу и сунул коробку назад, в карман комбинезона Габлера. По лицу его было видно, что на этом все проволочки закончились, и окончательной закуской будет пуля в лоб.

В подтверждение столь печальной мысли Габлера Янкер выпрямился и вновь извлек из кармана ган.

— Прости, Крис...

Видимо, коньяк оказал благотворное влияние. Хотя Габлер по-прежнему не мог управлять собственным телом, но язык словно оттаял, и файтеp сумел перекатить драже за щеку. Четыре горошинки, четыре гладкие горошинки, вкуса которых он не ощущал. Крис очень надеялся на то, что нужная находится в их числе. Нет, не могла она сместиться вниз...

«Что делаешь, делай скорее», — хотел он вытолкнуть из себя знаменитую фразу Иисуса Христа, адресованную предателю Иуде.

Но это прозвучало бы уж слишком в стиле старых фантастических книжек, оставшихся от прапрапрадедов, и тех арт-объемов, что ежедневно гоняли по тиви. И дело было даже не в этом. Требовалось срочно найти какие-то другие слова, которые заставят Янкера отойти подальше — хотя бы на четыре-пять шагов.

Ствол гана вновь смотрел Габлеру в лицо. Он сумел изобразить подобие усмешки, набрал в грудь побольше воздуха и выдохнул в несколько заходов:

— Какой ты... наивный... Думаешь... я такой болван... и отдал тебе... настоящее Копье?

Оружие дернулось в руке Янкера. Затуманенный коньяком взгляд стал встревоженным. Грэнд отвернулся от Габлера и сделал несколько шагов к столу, на котором лежало в футляре Копье Судьбы. Вероятно, до него тут же дошло, что Крис блефует, так как он вдруг остановился. Но повернуться уже не успел.

Все свое желание жить, всю свою ненависть к бывшему закадычному другу Эрику Онью Янкеру вложил Габлер в то действие, которое ему удалось произвести, оставаясь неподвижным. С силой выплюнутые им горошины понеслись в спину Улиссу — и файтер инстинктивно зажмурился, успев мысленно воззвать к ангелу-хранителю.

Грохот взрыва показался ему оглушительным, горячая волна ударила в лицо, швыряя его на пол

вместе с креслом. Но боли от падения он не почувствовал — наконец-то «заморозка» сыграла на его стороне...

Габлер лежал на полу, в голове шумело, и этот шум то усиливался, то ослабевал, словно набегали на берег волны. И проступали в шуме слова, точнее, сам шум превращался в слова:

«Жи... вой... Жи... вой... Жи... вой...»

То ли это ангел-хранитель рапортовал, то ли никак не могло поверить в спасение собственное «я» Габлера.

Двигаться Крис пока не мог — хотя кое-какие мышцы уже произвольно подергивались, — поэтому просто лежал, глядя в потолок и чувствуя, как обильный пот стекает с висков и как по-прежнему колотится сердце.

Далеко не каждый день приходится сидеть беспомощным под смертоносным дулом.

В комнате не раздавалось никаких звуков. У Янкера не было ни единого шанса выжить после взрыва, способного легко разворотить не то что пиджак, а защиту боевых комбинезонов. Такое Габлер видел собственными глазами, там, на Нова-Марсе. На плато, перед горным храмом триединого Беллизона.

Крис лежал и думал — все равно ни на что другое он не был пока способен. Думал о том, какую огромную роль играют подчас в

человеческой жизни случайности. И так ли уж они случайны?

Убийственные «камешки» жрецов Беллизона, почти неотличимые от драже из боевого рациона файтеров... Это неведомое взрывное устройство он подобрал в храме, сунул в коробку с драже и забыл о нем. Потом вспомнил, когда летел на галере «Гней Помпей Магн», и собирался выбросить. Но побоялся последствий. Вновь успешно забыл из-за дальнейших событий... И вновь вспомнил — в самый нужный момент. Из-за таких «камешков» пострадали файтеры его вигии и погибли жрецы. В их числе — отец Анизателлы, Низы. Низа чуть не погубила его, Габлера, и еще Портоса и Арамиса, а теперь этот «камешек» из храма Беллизона — божества, жрицей которого она была, спас ему жизнь. Какое причудливое плетение! Неужели все происходит само собой?

От таких мыслей шум в голове усилился. Впрочем, возможно, виновата в этом была легкая контузия.

...Наконец тело «оттаяло», и Габлер смог сначала сесть на полу, а потом, пошатываясь, подняться на ноги. Никаких разрушений в комнате не наблюдалось, все досталось Эрику Янкеру.

То, что совсем недавно было телом светловолосого кросса, уроженца планеты Форпост, соседа по улице, одноклассника, сокурсника и

бывшего друга, лансера-треса Администрации Императора, орудия неведомых Иных, окровавленными кусками валялось на полу и под столом. Зрелище было не для слабонервных, но за годы службы в Стафле Габлер успел многое повидать. И не было у файтера ни капли жалости к тому, кто намеревался лишить его жизни.

— Прости, приятель, — сказал он, глядя на залитое светом невидимых светильников кровавое месиво с лохмотьями недавно столь элегантного костюма. — Сегодня твоя очередь идти в рай, я в отпуске.

«Только не в рай ты попадешь, а на дно ада», — мысленно добавил Габлер, морщась от тяжелого запаха крови.

В оттаявшем рту стал ощущаться привкус коньяка, даже и чего-то еще. Того «камешка». Теперь Габлер знал, каков он, вкус смерти.

Он осторожно, чтобы не запачкать подошвы бегунцов, обогнул уже начинавшую подсыхать густую лужу, рядом с которой лежала бутылка — коньяк из нее вытек и смешался с кровью. Подобрал отлетевший к стене ган Янкера и спрятал в набедренный карман комбинезона. Подошел к столу, снял с плеч нэп, отлепил липучку. Взял со столешницы черный цилиндрический футляр — в нем лежал сувенирный меч-обманка, скрывающий Копье Судьбы. Покачал в руке и вертикально

засунул в нэп — футляр там уместился. Занес руку над цепочкой Лили Акимжанов, но брать не стал. Зачем ему украшение веронки? Мертвой веронки.

Габлер вскинул нэп на спину и немного постоял, обводя взглядом комнату. Потом, ни на что, собственно, не рассчитывая, проверил свою банк-кард. И убедился в том, что переведенных Эриком денег там уже нет. Скотина Янкер не соврал. Решил, что мертвому деньги ни к чему и провернул обратную операцию. Интересно, куда ушла эта уймаща деников — назад в эрарий¹² или на счет самого Янкера?

Убрав банк-кард обратно в карман, Крис решил пошарить в ящиках стола. Может, удастся содрать с поганца хоть что-то? Хоть шерсти клочок, как почему-то говорили в старину.

Но ящики стола разочаровали. Там россыпью валялись кристаллы объемок и какие-то карды, лежал стакан с желтоватым налетом на стенках, надорванный пакет с салфетками и еще какое-то барахло.

«И что вы, грэнды, тут делали, в своей норе? — подумал Габлер. — Выпивали и сопливые носы друг другу вытирали?»

Нет, тут занимались и кое-чем другим. Это

¹² Эрарий (от лат. *aerarium*) — имперская казна.

стало ясно, когда файтер заглянул в нижний ящик. Там лежали наручники. Две пары. Крис взял одно из этих милых устройств, повертел в руках, осматривая, и бросил на стол.

Стараясь не глядеть на изуродованные останки того, кто совсем недавно был Эриком Янкером, он пересек комнату и подошел к приоткрытой дверце стенного шкафа. Видимо, именно оттуда Улисс достал бутылку. Там рядочком стояли еще три, непочатые, с тем же изображением древнеримского легионера — давнего предка ромсов. Плюс полудюжина изящных рюмок. Крис взял бутылку и с досадой захлопнул дверцу.

По-прежнему не глядя на ошметки кровоточащей плоти, он опустился в кресло у стены, по которой по-прежнему бежали разноцветные абстрактные узоры, отвинтил пробку и сделал длинный глоток. Его почти тут же пробила испарина, руки и ноги стали ватными, и он чуть не выронил бутылку. Это не была реакция на коньяк. Это была запоздалая реакция на смертельную угрозу, совершенно неожиданную, ошеломляющую, подлую...

Эрик Янкер... Бывший лучший друг.

«Два раза не предают, Крис...»

Ага, как же! Еще как предают...

Годзилла, сослуживец, приятель...

Чернорожая сволочь с Минохи, блип! Соучастник преступления. Да, преступления не произошло, но это отнюдь не заслуга Юрия Гальса. С которым немало было выпито в кабаках...

Крис не знал, куда пропал Годзилла, но был уверен, что того нет в доме — взрыва беллизонского «камешка» не услышал бы только глухой.

Сволочи...

Даже если они орудия Иных — все равно сволочи...

Габлер тряхнул головой и сделал еще глоток. Коньяк его совершенно не брал, словно какой-то чудак, возомнивший себя Христом наоборот, превратил его в обыкновенную воду. То, что он услышал от Янкера, стояло просто поперек мозгов. И самое страшное — рассказ Эрика не был враньем. Зачем грэнд стал бы врать файтеру, которого решил убить в этой комнате? Нет, все там было правдой.

Много-много лет назад по Земле на самом деле бродили какие-то могучие разумом существа, сотворившие странную штуковину — Копье Судьбы... Копье Власти... Как там еще называл его Улисс? И эта штуковина действительно оказывала влияние на ход событий и помогала своему владельцу одерживать победы. И потому столь крепка была власть императоров, и разрасталась галактическая Империя, и не сотрясали ее

бесконечные войны. Действительно существовали некие Иные, вознамерившиеся перебраться сюда из другой Вселенной. Дабы возможное сопротивление ромсов не помешало их планам, они решили завладеть Копьем. И сделать это руками самих ромсов. Тех, кого они подчинили себе. Таких, как Эрик Янкер, как Годзилла... А вот на самом ли деле они намерены быть просто добрыми соседями или замыслили совсем иное — неизвестно. И вряд ли стоит сомневаться в реальности «Вероны», тайного альянса сепаратистов трех планет — Великолепной, Роуза и Натали, — тоже задавшегося целью умыкнуть у Императора чудесный наконечник. С парочкой этих веронцев — Здено Шатаном и Лили Акимжанов — ему, Крису, пришлось иметь дело. Он забрал у них Копье и передал Эрику. С блеском выполнил работу. И Эрику чуть не удалось отблагодарить его по полной.

Да, все эти сведения о Копье, чужаках и двух группировках охотников за древней вещицей были правдой. Приходилось принять эту правду и думать, что с ней делать.

Крис завинтил пробку и поставил бутылку подальше от себя.

Первым делом нужно было дожидаться Годзиллу.

Вряд ли кто-то другой нагрянет среди ночи в эту нору грэндов, расположенную хрен знает где, в

каком-то провинциальном буферном Елисавете, на задворках Румы Юниона, на изуродованной давней войной Земле. Эрик не стал бы приводить его, Криса, сюда, если бы не был уверен: тут никто не помешает переправке простофили-файтера, любителя деников, в загробные края. Знал об этом только Годзилла — такая же марионетка Иных...

Марионетка не марионетка, но он, считай, все равно что убил его, Криса Габлера, сослуживца по двадцать третьей вигии седьмой центурии легиона «Минерва». А такое не прощается.

«А кто дал тебе право быть палачом? — донесся чей-то голос из глубины. — Кто дал тебе право выносить приговор?»

«Отстань, — мысленно отмахнулся Габлер. — Если не я его, то он меня, чтобы я его не засветил. У них все средства хороши, значит, и отвечать нужно адекватно. Он-то таким вопросом не задавался».

«Да, не задавался, — не унимался голос, — потому что пляшет под дудку чужаков».

И как же выбить из головы Годзиллы то, что вложили туда Иные? Как вообще доказать, что с башкой у Юрия Гальса не все в порядке? Кто поверит в рассказы про чужаков? Ну, вот явится он, файтер второго ранга Кристиан Конрад Габлер, к Императору, — допустим, удастся такое — и расскажет все как есть. И что подумает Император?

Правильно: подумает он, что и Эрик Янкер, и Годзилла — агенты веронцев. Вполне реальных веронцев, а не каких-то там неизвестных существ из иной Вселенной, которым почему-то нехорошо стало жить в этой самой иной Вселенной. А чужаки в конце концов заполучат Копье, вторгнутся и камня на камне не оставят от Румы Юниона...

Фантастика? Как знать...

«Стоп! — сказал себе Габлер. — Копье они не получили. Ни они, ни веронцы. Вот оно, Копье, у меня за спиной. Вернуть эту штуку владельцу, Императору, рассказать, как дело было, и удостоиться благодарности. Повышения по службе... Пополнения банковского счета...»

«Ага, как же, — вновь дал о себе знать невидимый собеседник. — Так тебе и поверят. А даже если и поверят, никаких дивидендов это тебе не даст».

— Почему? — вслух буркнул Габлер.

Хотя уже понимал, почему.

Простому файтеру легиона «Минерва» ни сном ни духом не полагалось знать о наличии Копья Судьбы — поистине сокровища Империи. Ну никак не мог он принадлежать к числу посвященных. А что всегда, во все времена, делали с теми, кто знает то, что ему знать не положено?

Ответ был прост, как дважды два — четыре.

Самым полезным для собственного здоровья

было бы немедленно избавиться от Копья. Бросить в унитаз и спустить воду. Или оставить здесь, в этой комнате, а самому мчаться на космодром. И улетать на свой Форпост, где папа с мамой глаза проглядели в ожидании непутевого сыночка-отпускника, а кузен Йеспер ругается, поди, на чем свет стоит...

Но тогда что же такое, блип, получается? Все эти его похождения с неоднократным риском для жизни — впустую? Половина отпуска потрачена черт-те на что... Целый легион невозстановимых нервных клеток скончался напрасно... Преждевременная, блип, седина, и кто знает, сколько лет его будут мучить кошмары... Уплывшие из рук деньги наконец, и не просто деньги — деньжищи! Сто двадцать тысяч денариев! Сто двадцать *тысяч!!!*

И просто бросить эту чудесную железяку и уйти?

Крис едва не застонал и с силой потер руками лицо, чувствуя, что еще немного — и его разорвет от противоречивых стремлений.

И тут откуда-то из-под стола донесся тихий писк. Точно такой же писк звучал недавно из кармана Эрика Янкера.

Файтер встал — тело уже окончательно забыло о «заморозке» — и направился к столу. Возле ножки лежал окровавленный, но, судя по

всему, ничуть не пострадавший унидеск Янкера. Крис достал из ящика несколько бумажных салфеток, осторожно поднял аппарат с пола и протер. Потом опустился в кресло у стола и обнаружил, что блокировку Янкер не поставил. Габлер включил экранчик, и на нем тут же проявились два слова: «На месте».

Он вызвал предыдущее сообщение — то, что пришло во время монолога Эрика, который он, Габлер, вынужден был выслушивать, находясь в окаменевшем состоянии. Оно оказалось столь же кратким: «Все чисто».

Даже без подписи было совершенно ясно, кто посылал эти мейлы и что имел в виду.

Годзилла. Превратив его, Габлера, в статую, напарник Янкера куда-то направился, предоставив лансеру-тресу Администрации Императора самолично отправить школьного друга в лучший мир. И теперь прибыл туда, куда нужно. Подельники меняли место дислокации поодиночке. Это новое место тоже вычислялось без труда, но Крис для полной уверенности покопался немного в меме¹³ унидеска. И обнаружил заказ Эрика. Два билета на галеру до Единорога. Заказ был сделан еще позавчера, восемнадцатого августа, когда он,

¹³ Мема — память.

Габлер, вместе с Эриком летел с Марса на Землю на каботажнике «Петр Великий». Все было расписано заранее. Они выпивали вместе в каюте Янкера, и Эрик уже тогда знал, что он, Крис, не жилец.

Габлер скрипнул зубами.

«Просчитался, тварь!»

Годзилла, несомненно, ждал сейчас Эрика на космодроме «Дикое поле». Оттуда шаттлом на орбитальную станцию, потом на галеру — и вперед, к Единорогу.

А дальше? Что они дальше собирались делать с Копьем? Где и как передать его чужакам?

Впрочем, какое ему, файтеру-отпускнику, до этого дело?

Габлер, скривившись, медленно откинулся на спинку кресла и заиграл желваками на скулах.

Как это — какое дело?!

В голове словно что-то щелкнуло. Такое случилось с ним еще в нэви-колледже, когда нужно было срочно придумать правдоподобное объяснение не очень благовидных поступков. И возник план. Очень обнадеживающий план.

Он посмотрел на часы, вмонтированные в манжету комбинезона: времени до старта было вполне достаточно. Вернул на экран последнее сообщение Годзиллы и добавил к нему всего одно слово: «Жди». Отправил мейл, сунул унидеск Эрика в карман своего комбинезона. Встал и вышел

из комнаты, в которой по-прежнему висел тяжелый запах крови.

Вышел Крис не так, как обычно файтеры вываливаются из кабака — ногой по двери, руки враспырку. Нет, приоткрыл тихонько, прислушался, осторожно выглянул, как солнышко из-за туч. Не увидел и не услышал ничего подозрительного — и вот тогда уже шагнул в коридор. Прикрыл дверь и направился к лестнице, все равно чувствуя себя мишенью. Остановился, выискивая любознательные глазки камер слежения, но нигде ничего такого не заметил. Поравнявшись с чуть приоткрытой дверью, заглянул туда. Большая ванна, душ, унитаз. Унитаз был кстати — «оттаявшее» тело ничего не имело против того, чтобы избавиться от балласта. Да и умыться бы не мешало, смыть прилипчивый запах чужой крови...

Управившись с этими делами, Крис спустился на первый этаж. Вечно доставлявший проблемы нос по-прежнему испытывал дискомфорт. Габлеру казалось, что и комбинезон пропах кровью. Он обвел взглядом освещенный невидимыми светильниками коридор, в который выходили четыре двери. Вдруг грэнды хранят за одной из них сменную одежду? Да и вообще, сколько можно светиться в комбинезоне файтера? Кто сказал, что Шатан и Акимжанов были единственными из

преследователей-веронцев? А если они сумели до того, как попасться, передать сообщникам его, Габлера, приметы?

Это напоминало манию преследования, но Крис все-таки решил подстраховаться. Даже если нет там никакой одежды, может, есть что-то другое? Все тот же шерсти клок...

Ближайшая к нему дверь оказалась запертой, но что такое дверные запоры, пусть и самые надежные, для файтера далеко не первого года службы? Граната обязательно сказал бы по этому поводу что-нибудь вроде: «Зачем эфесу крепкий лоб? А двери выносить чтоб».

Габлер криво усмехнулся: этот Мхитарян всех поэтами сделает...

Но дверь он вынес не лбом, а плечом, тут большого умения не требовалось. Дверь со стуком, показавшимся ему оглушительным в царившей вокруг тишине, ударилась о стену. И Крис замер на пороге.

Комната была просторной и не очень обремененной мебелью. Собственно, Габлер даже не разобрал, что там находится. Нет, разобрал, конечно, — света, падающего из коридора, вполне хватало, — но для него обстановка комнаты уже не представляла интереса. Все его внимание было приковано к двум телам у левой от него стены.

Он ощутил очередное — какое уже по

счету? — дежавю. Вновь лежали на полу мужчина и женщина, как и в Твери, в номере отеля «Селигер». Мужчина был в синем свитере и и чуть более светлых, тоже синих, джинсах, женщина — в ворсистой сиреневой кофте и темно-серых брюках. Только тогда, в «Селигере», они после стычки с «минервой» Крисом Габлером лежали лицом вниз, и он знал наверняка, что его противники живы. Теперь же Здено Шатан и Лили Акимжанов покоились на спине, и Габлер был уверен, что перед ним — трупы. Веронцы-сепаратисты, намеревавшиеся отколоться от Ромы Юниона. Отступники.

И вот тут бы ему и уйти, потому что не его это было дело... Совершенно не его. Однако что-то внутри тормознуло Габлера. Он быстрым шагом пересек комнату — за окном горели редкие уличные огни, — склонился над веронцами и поочередно проверил пульс.

Толчки были слабыми и редкими, но — были. Веронцев явно чем-то напичкали. Обезвредили на время? Или оставили здесь умирать? Ведь обронил же Янкер, что с ними покончено.

«Блип, ну мне-то что до этого?» — подумал Крис.

А сам уже поднял на руки легкое тело Лили Акимжанов. И понес к выходу, мысленно ругая себя самыми разными словами. Возможно, если бы

лечебница находилась не по соседству, он бы еще подумал, а так...

Габлер опустил витающую в бог знает каких сферах женщину у двери на улицу и без труда разобрался с замком — на этот раз просто открыл. Высунул голову и быстро осмотрелся. Давешний уникар, стоявший возле дома, исчез, улица была пустынной, как плац после отбоя. Крис вновь подхватил веронку и скорым шагом направился к соседним воротам со светящейся надписью: «Сейнт Анна».

«Уголок тут тихий, никто не досаждаёт», — вспомнились ему слова Эрика Янкера.

Габлер уложил женщину на траву, посмотрел на нее — и неожиданно почувствовал что-то похожее на сожаление. Удивившись мимолетом, он поспешил в дом, за ее напарником.

...Оставив старых знакомых у ворот, Крис бросил взгляд на темное здание за сквозной оградой, под крышей которого светился красный крест — и несколько раз нажал на кнопку звонка.

«Может быть, зачтется когда-нибудь где-нибудь», — усмехнувшись, подумал он.

Дверь под крестом открылась. Файтер отскочил от ворот лечебницы и поспешно зашагал прочь. Путь его лежал к вокзалу с непонятным названием «Эксампей», на который он совсем недавно прилетел вместе с Эриком Янкером.